

Доклады Л. В. Садовниковой, Л. А. Абрамян, сотрудников Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова явились продолжением их работы по переводу на русский язык материалов исследователей Камчатки XIX в. – это Географический лексикон К. Дитмара, книга Буша Р. Дж.

Доклад Н. В. Дивниной знакомит читателей с ранее неизвестным нам автором Ноксом Т. Уоллесом, который пишет о Камчатке и, в частности, о Петропавловском порте.

Доклады А. Ю. Петрова, А. Коэна содержат материал об исторических связях России и США через изучение истории Русской Америки.

Материалы, представленные С. В. Гавриловым, Т. С. Зайковской, Н. С. Гавриловой, А. В. Петровым, А. Ф. Пасечником, А. П. Пирагисом, В. П. Пустовитом, публикации неизвестных рукописей Г. И. Щедрина знакомят нас с интересными страницами XX в.

Огромный интерес представляют сообщения, продолжающие тему комплексного изучения природы Камчатки, ее сохранения и рационального использования. Проблемы природопользования поднимались в докладах Т. Л. Введенской, В. Д. Дмитриева, Я. Ю. Ермиловой.

Тему изучения вулканов Камчатки и Курильских островов продолжили в своих докладах В. М. Округин с группой студентов Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, В. А. Рашидов, Л. П. Аникин, Г. А. Карпов, О. А. Гирина – сотрудники ИВиС ДВО РАН.

Различные аспекты истории освоения, изучения северо-востока России раскрыты в докладах Т. В. Воробьевой, А. В. Пташинского, Е. Р. Островской, М. И. Жилина и др.

Вопросы психологического благополучия жителей региона раскрываются в материалах О. С. Ширяевой, А. С. Ширяевой.

Особый блок составили доклады, касающиеся вопросов этнографии коренных народов Севера, их современного состояния – О. К. Алексеевой, Э. Кастена, А. А. Гончаровой, Н. В. Толкачевой.

Знакомство с современными камчатскими художниками состоится через сообщения А. С. Черкашиной, С. И. Самохиной, А. Б. Пановой.

По традиции на Крашенинниковских чтениях вручены премии: «Просветитель» им. Святителя Иннокентия (Вениаминова), историко-литературная им. Е. В. Гропянова, краеведческая им. С. П. Крашенинникова.

Премия «Просветитель» им. Святителя Иннокентия (Вениаминова) была учреждена в 1997 г. Лауреатами премии в разные годы стали: З. Д. Астахова, И. В. Витер, В. Воробьев, протоиерей, В. Гончар, протоиерей, Э. С. Дяченко, архиепископ Петропавловский и Камчатский Игнатий (С. Г. Пологрудов), А. К. Караулов, О. В. Косик, С. П. Кожан, Я. С. Левко, М. Беерле-Моор (гражданка Швейцарии), О. И. Толочко, В. Е. Тадля, С. В. Фомин, Н. И. Шадрина, А. И. Белашов. Лауреатом премии «Просветитель» им. Святителя Иннокентия (Вениаминова) за 2017 г. стала Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова.

С 1995 г. по инициативе Фонда компенсации (в пользу народов Севера) и его бессменного председателя А. И. Белашова была учреждена краеведческая премия им. Степана Крашенинникова, «которая является общественной формой признания заслуг и благодарности настоящим патриотам Камчатки». Лауреатами стали: Н. И. Захарова, Б. П. Полевой, В. П. Мартыненко, И. В. Витер, Ф. Н. Косыгина, Л. М. Пасенюк, Е. В. Гропянов, Т. И. Устинова, Л. А. Сахно, коллектив Камчатской областной научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, Н. И. Курохтина, С. В. Гаврилов, М. Я. Жилин, Е. П. Абрамова, А. А. Смышляев, С. П. Кожан, С. И. Вахрин, В. З. Михайлова, Г. К. Аев, А. И. Белашов, Н. С. Киселева, А. П. Пирагис, Т. С. Федорова, В. Т. Кравченко, митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий (С. Г. Пологрудов)

Лауреатом премии им. С. П. Крашенинникова 2017 г. признана Татьяна Владленовна Воробьева – заведующая кафедрой экономических и социально-гуманитарных наук Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук. Премия вручена за большой личный вклад в исследование истории Камчатки, за высокий профессионализм в публикации монографий по истории изучения, освоения Северо-востока России и Тихого океана; за популяризацию краеведческих исторических знаний, за вовлечение молодежи в изучение исторических дисциплин; за активное участие в Международных Свято-Иннокентьевских и Крашенинниковских чтениях.

Лауреатом историко-литературной премии им. Евгения Гропянова стал Александр Александрович Смышляев, – журналист, писатель, председатель Камчатского регионального отделения писателей России, автор множества книг.

Закончились Чтения по традиции презентацией литературы по биоразнообразию Камчатки, представленной директором Камчатского филиала Тихоокеанского института географии Алексеем Михайловичем Токрановым.

С 1997 г. по материалам чтений и конференций выпускаются сборники, которые проходят предпечатную подготовку в издательском центре краевой научной библиотеки. Часть докладов в полнотекстовом варианте размещается на сайте Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова (www.kamlib.ru.) Все иллюстративные материалы, сопровождающие сообщения, доклады большого объема размещаются на CD как приложение к сборнику материалов Крашенинниковских чтений. Сборник материалов чтений включен с 2017 г. в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), что предполагает размещение материалов и предыдущих сборников.

I

А. И. Белашов ИССЛЕДОВАНИЕ «УГОЛОВНОГО ДЕЛА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА АНИСИМОВА [МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА]»

Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состарешься, то простреши руки свои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь...

(Ин. 21, 18–19)

Епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) после возвращения со Всероссийского Поместного Собора (1917–1918 гг.) в 1921 г. эмигрировал в Китай (Маньчжурия). В г. Харбине основал Камчатское подворье с Домом Милосердия и церковью во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Почти 30 лет эмиграции владыка боролся за единство Русской Православной Церкви, в этот же период им был выполнен огромный объем благотворительной работы для больных стариков и беспризорных детей. Несмотря на то, что все эти годы он неприязненно, мягко говоря, относился к советской власти (вел активную борьбу против нее в прессе), в период Великой Отечественной войны (в 1943 г.) проявил качества истинного патриота России – через генерального консула СССР установил связь со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Сергием и передал в фонд Красной армии свои золотые с драгоценными камнями панягию и крест. В 1945 г. архиепископ Нестор проявил инициативу, поддержанную другими архиереями Китая, по воссоединению православных епархий и миссий, находившихся в юрисдикции Зарубежной Православной Церкви, с Московской Патриархией. Воссоединение состоялось, и Патриарх Московский Алексей (Симанский) учредил в Китае митрополичий округ. 5 июня 1946 г. митрополичий округ по Юго-Восточной Азии решением Священного Синода преобразован в Восточно-Азиатский экзархат Московской Патриархии. Экзархом назначен архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) с возведением в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского (1).

Два года напряженной работы экзарха были направлены на строительство новой формы организации церковной жизни среди российских эмигрантов в Китае и Корее, а также на подготовку земляков-соотечественников к возвращению на родину.

Однако эти крупные заслуги митрополита Нестора перед Церковью и страной не уберегли его от ареста и репрессий. Арестовали владыку Нестора китайские власти 14 июня 1948 г. по просьбе органов МГБ СССР и депортировали его в г. Читу.

Долгие годы уголовное дело № Р-39763 (июнь–декабрь 1948 г.) находилось в статусе особо секретного, и с ним ознакомиться было невозможно. Исключением стала лишь комиссия Священного Синода РПЦ по канонизации святых и реабилитации духовенства, пострадавшего в годы репрессий в СССР. И только в ноябре 2012 г. в связи с обращением Петропавловской и Камчатской епархии в Управление регистрации и архивных фондов ФСБ РФ (д. ю. н., проф., ген.-л-т В. С. Христофоров)

двое членов камчатской епархиальной комиссии по подготовке документов для канонизации митрополита Нестора (Анисимова) – ст. научн. сотр. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) О. В. Косик и историк Петропавловской и Камчатской епархии, составитель научного жизнеописания митрополита Нестора, автор этого доклада, были ознакомлены с указанным делом. Мало того, на личном приеме В. С. Христофоров – руководитель указанного ведомства – высказал намерение о полном рассекречивании дела в ближайшее время и даже о возможной его публикации отдельной книгой совместно с ПСТГУ и Музеем истории православия на Камчатке.

Первое знакомство с делом в некоторой степени разочаровало. Надежды найти в нем какие-либо никому доселе не известные сведения из жизни митрополита Нестора не оправдались. Анкета и ответы экзарха на вопросы следователя, касающиеся биографических сведений, новых данных не раскрыли.

Однако протокол полон тайн и загадок.

1. Первые три допроса на Лубянке провел лично начальник 6-го отдела 5-го Управления МГБ СССР полковник Шумаков. Такая крупная фигура, как митрополит Нестор – экзарх Московской Патриархии – редкий узник даже для такого чудовищного конвейера человеческих судеб, каким была внутренняя тюрьма МГБ на Лубянке. Предвкусная удача в получении новых важных сведений о шпионских сетях, агентуре и конкретных делах, полковник Шумаков не хочет делить лавры со своими подчиненными. Он жаждет лично заставить сотрудничать со следствием одного из крупнейших деятелей РПЦ XX в. и преподать урок профессионализма коллегам. Затем лично доложить своему руководству об удаче. Изобличить шпиона нескольких разведок мира и одновременно дискредитировать одного из лидеров Церкви, против которой компартия и правительство начали в послевоенные годы новую волну гонений, дорогого стоит. За это могут наградить орденом, повысить в должности и звании. Задача перед следствием простая – с первых секунд подавить личностные качества узника, не дать возникнуть у него даже мысли, что органы безопасности ошибаются! И не таких обламывали! А тут старик – митрополиту Нестору почти 64 года, и он инвалид.

Первый допрос с 24 на 25-е июля 1948 г. проводился ночью. Допрос начат в 23.30, закончен в 1.20 мин. Известный прием. Подследственный взволнован арестом, устал (в камере до отбоя запрещено ложиться на нары), ему хочется спать, концентрация воли снижена... Протокол рукописный, т. е. стенографистку не пригласили. В этом тоже свой резон: в процессе допроса могут быть вскрыты большие тайны, и лишние уши ни к чему; к тому же допрос священника – дело тонкое, деликатное, желательнее вести его в абсолютно узком кругу; а также в таком формате допроса проще формировать (фальсифицировать) его протокол.

Полковник Шумаков: «Вы арестованы как агент иностранных разведок. Следствие предлагает вам рассказать правду о вашей шпионской деятельности против Советского Союза».

Митрополит Нестор (М. Н.): «Агентом иностранных разведок я никогда не был и шпионскую деятельность против Советского Союза не проводил... Но должен признать, что к Советской власти с первых дней ее существования я относился враждебно и на протяжении многих лет вел против нее активную борьбу».

Полковник Шумаков не верит митрополиту, и уже в конце ночного допроса звучит фраза: «Следствие настаивает на правдивых показаниях о ваших связях с иностранными разведчиками».

Этим выражением полковник осуществляет психологический нажим на подследственного неприкрытой угрозой применить другие формы допроса.

Но это никак не отразилось на позиции митрополита Нестора. Он строго разграничивает свои «контрреволюционные» действия и шпионаж. И здесь все морально и в высшей степени духовно. Борьба с политической силой, разрушившей его Отечество и уничтожающей Церковь и веру в Бога, – это одно. А шпионить против своего народа – дело низкое, грешное и унижительное: «Находясь в эмиграции я действительно поддерживал связи с японцами, но шпионских заданий от них никогда не имел» (2).

Заметим, что за время допроса, который длился 1 час 50 минут, задан всего один вопрос и произнесена одна реплика. Содержание «диалога» уместилось на 2 страницах рукописного текста. Объем информации, зафиксированный в протоколе, можно произнести и за несколько минут. Что же еще происходило в помещении для допросов?

Первый допрос всегда очень важен с процессуальной точки зрения. После него следует предъявить обвинение подследственному. То есть нужно досконально разобраться в преступлении арестованного и поставить «диагноз» – определить статью или статьи уголовного кодекса, которые во время следствия будут утверждаться или опровергаться, и на основании которых арестованный будет в конце следствия осужден.

На основании этого единственного допроса митрополиту Нестору, «... приняв во внимание, что [он] достаточно изобличен в том, что, находясь в эмиграции в Маньчжурии, был связан с рядом иностранных разведок и занимался шпионской деятельностью против Советского Союза... [и] в течение многих лет проводил активную антисоветскую работу», полковник Шумаков и подполковник Степанов 4 августа 1948 г. оформили постановление: «...Привлечь Анисимова Николая Александровича [“он же Нестор”] в качестве обвиняемого по [ст.] 58-1а, 58-3 и 58-10 ч. 1 УК РСФСР...» (выделено мной. – А. Б.) (3).

Даже неискушенному юристу видно, что постановление построено на домыслах и предположениях, также, надо полагать, на доносах и слухах, которые десятилетиями накапливались в «деле Н. А. Анисимова». Что значит «достаточно изобличен в шпионской деятельности», если подследственный отрицает связь с иностранными разведками, т. к. никогда и «никаких шпионских заданий от них не имел»? И ему, к тому же, не предъявлены неопровержимые доказательства в инкриминируемом преступлении.

Цепкий полковник Шумаков взвинчивает темп дознавательных мероприятий, и в этот же день, 4.08.1948 г., в ночь на 5.08.1948 г., во второй раз самолично допрашивает митрополита Нестора. «Разговор» вновь ночной: начат в 23.30, закончен в 2.00.

Положение, в котором оказался экзарх Московской Патриархии митрополит Нестор, сверхсерьезное и сверхопасное. Все статьи УК РСФСР редакции 1926 г. 58-1а (измена родине), 58-3 (контрреволюционная деятельность) и 58-10 (в более поздней редакции она приводится как 58-я ч. 6) (шпионаж), по которым ему инкриминируют преступление, угрожают высшей мерой уголовного наказания (ВМН) – расстрелом. В те годы партия и власть, оправдывая применение пыток и массовые расстрелы, высшую меру лукаво называли мерой социальной защиты.

«– Вам объявлено постановление о предъявленном обвинении по ст. ст. 58-1а, 58-3, 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Вы обвиняетесь в том... что были связаны с иностранными разведками и вели шпионскую работу против СССР, а также... проводили активную антисоветскую деятельность. Сущность предъявленного обвинения и содержание статей вам разъяснены. Вам понятно, в чем вы обвиняетесь? – вопрошает полковник Шумаков.

– Да, предъявленное обвинение мне понятно.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Да, признаю.

– В чем конкретно вы признаете себя виновным?»

Более чем на 3 страницах рукописного протокола владыка Нестор искренне и мужественно перечисляет то, чего никогда и не скрывал, и здесь не намерен скрывать, – свои конкретные действия, в которых выражалась его «враждебность к советской власти». Он открыто говорит, что «...на протяжении многих лет вел активную деятельность, направленную на свержение советского строя в СССР». Это выразилось: в выпуске книги «Расстрел Московского Кремля», в которой призывал народ идти на Москву и освободить ее от большевиков, переиздании этой книги в Японии, участии в молебне во Владивостоке (1922 г.) при открытии Земского Собора, образовавшего контрреволюционное правительство братьев Меркуловых, тесной связи с белоэмигрантскими кругами Харбина, авторстве множества антисоветских статей в периодических изданиях, выпуске в свет нескольких брошюр антисоветского содержания...

Это все было известно следственному отделу. И тут не было смысла что-то утаивать или искажать события.

Но следователям этого мало. Вновь и вновь озвучивается главная тема следствия:

«– Покажите о ваших связях с иностранными разведчиками.

– Лично я непосредственно с иностранными разведчиками не был связан. Однако я не могу не признать того факта, что вся антисоветская деятельность белой эмиграции в Маньчжурии направлялась японской разведкой. Я поддерживал связь с атаманом Семеновым, а также с руководителями Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ): генералом Кислициным, Матковским, Радзиевским, являвшимися прямыми агентами японской разведки» (4).

Отметим, что перечисленные лица были арестованы в Харбине еще в 1945 г. и расстреляны.

Думается, что последний ответ митрополита, перечеркнувший «признание» в инкриминируемых ему преступлениях, сильно рассердил следователей. Они поняли, что Николай Александрович Анисимов, «он же Нестор», как значится в протоколе, не простой заключенный (этот человек способен держаться определенной им самим стратегии на допросах), и решают изменить тактику ведения следствия.

Протокол № 3 от 18.08.1948 г. оформлен в виде стенограммы. На допросе присутствовали стенографистки Полякова и Ильина (номера тетрадей 190 и 629). Время начала и окончания допроса не указано. Но обеспечение допроса работой двух стенографисток говорит о том, что это был очень долгий разговор. Нет сомнений, что он также проводился ночью. Но не это главное. Обратим внимание, что между вторым и третьим допросами допущен двухнедельный перерыв. Зачем полковник Шумаков взял такой большой тайм-аут? Он все еще не отказался от личного участия в допросах. Ему не понравилось поведение подследственного? Слишком спокоен был митрополит Нестор и тверд в своих показаниях о неучастии своем в шпионаже против СССР?

Напрашивается мысль о том, что престарелого и очень больного архиерея «допросили» с применением физических мер воздействия. Следствие не устроили ответы, прозвучавшие 4 августа! Нужны были сведения о законспирированных сетях американской, японской, английской разведок и о подполье белоэмигрантских организаций.

Но митрополит Нестор действительно не связан с разведками и ничего не может знать конкретного по этой теме: агентурная сеть, имена, клички, псевдонимы, пароли, явки, конкретные дела. Что может рассказать полковнику Шумакову митрополит о шпионских делах против СССР, прожив около 30 лет за его пределами? Это юридический абсурд! Как можно шпионить против государства, во-первых, проживая за его пределами, а также, во-вторых, находясь в изоляции от всего мира, которую установила японская военщина, оккупировав Маньчжурию?

Но вернемся к допросу № 3 от 18.08.1948 г. На 5 страницах подробный рассказ об отношениях камчатского миссионера с августейшей семьей императора Николая II в 1910–1911 гг. и контактах с другими членами царской семьи. Следствие интересовало вопросы формирования монархических взглядов и роль в этом родной семьи митрополита, а также участие игумена Нестора в Первой мировой войне (5).

Протокол от 31 августа фиксирует еще один перерыв между допросами продолжительностью в 13 суток!

Стенограмма. На допросе присутствует стенографистка Барил (тетрадь № 632).

Допрос начат в 11 час. 30 мин, закончен в 17 час 30 мин.

Не трудно догадаться, что было предпринято следствием по отношению к подследственному за истекшие 13 суток? Следствие сменило стратегию и тактику ведения допроса. Митрополита больше не допрашивает начальник 6-го отдела полковник Шумаков. Допрос ведет его заместитель подполковник Степанов. Он возвращает узника к вопросам, которые он уже освещал на допросе 4 августа: о его жизни в 1917 г. и фактической деятельности, раскрывающей смысл его «враждебности к советской власти».

Поражают ответы владыки Нестора. Вот, к примеру: «В период октябрьских боев по взятию Кремля Церковным Собором была создана комиссия по обследованию и фотографированию повреждений Кремля, цель которой состояла в сборе клеветнических сведений о большевиках. Я был назначен одним из членов этой контрреволюционной комиссии и в качестве такового участвовал в осмотре разрушений Кремля, причиненных якобы по вине большевиков» (6).

И еще: «В декабре 1917 года, по поручению Собора, на основании материалов, собранных указанной комиссией, я написал и выпустил антисоветскую брошюру под названием „Расстрел Московского Кремля“, в которой возводил гнусную клевету на большевиков и призывал организовать крестовый поход против Советской власти» (7).

Теперь, как видим, в протоколах все по-другому. Создается впечатление, что это говорит не подследственный Н. А. Анисимов, хотя каждая страница им подписана. Но мы знаем, как подписывались фальсификации. И подлинна ли его подпись? И не подписаны ли подследственным чистые страницы? И сии «признания» – не результат ли физического воздействия, т. е. пыток?

С 31 августа и до конца следствия (декабрь 1948 г.) такие «признания» священнослужителя и его «оценки» своей деятельности отражены во всех последующих протоколах. Стали правилом и длительные перерывы между допросами. Неубедительным будет предположение, что перерывы нужны были для перепроверки фактов, озвученных подследственным. Все, что рассказал владыка, давно было известно в МГБ. Об этом говорит перечень «вещдоков», приложенных к делу при передаче его в Особое Совещание при министре МГБ: книги, брошюры, вырезки из газет, распечатки выступлений по радио и пр.

Сошлемся на факты. Присутствие Советской армии в течение восьми месяцев в Маньчжурии для органов МГБ стало благоприятным периодом для зачистки территории от агентов империалистических разведок и членов белоэмигрантских организаций. В монографии начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, историка органов госбезопасности СССР, д. ю. н., профессора В. С. Христофорова читаем: «[В Харбине] Из числа эмигрантов были арестованы атаман Г. М. Семенов, его заместитель А. П. Бакшеев, идеолог российских фашистов К. В. Родзаевский и многие другие, активно сотрудничавшие с японскими спецслужбами. С начала дальневосточной кампании (боевые действия Советской армии на Дальнем Востоке начались 9 августа 1945 г. (9) до середины декабря 1945 г. были арестованы 5 тыс. 483 сотрудника и агента японской разведки, 1 тыс. 303 участника антисоветских белоэмигрантских организаций» (8).

То есть суммарно за 4 месяца (советские войска вошли в Харбин 18 августа) в Маньчжурии было арестовано 6786 «агентов и сотрудников японской разведки» и «участников белоэмигрантских организаций».

Можно предположить, что длительные перерывы между допросами митрополита Нестора, который после пыток не мог ни ходить, ни говорить, нужны были для того, чтобы поставить его на ноги, привести в состояние, при котором возможно продолжить допросы. Теперь не является секретом, что в годы сталинизма широко использовались пытки. Привожу с небольшим сокращением шифровку И. В. Сталина:

«ШИФРОМ ЦК ВКП(б)

СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИЙ,
НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД.

<...> ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б). При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа...

ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... как совершенно правильный и целесообразный метод... СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН. 10/1 – [19]39 г.» (10).

Из статьи историка А. А. Фурсенко «Конец эры Сталина»:

«<...> Пытки были настолько беспощадными, что даже самые стойкие из арестованных в конечном итоге почти всегда подписывали показания, которые были продиктованы следователями...» (11).

Вспомним историю. При вступлении в должность руководителя НКВД Л. П. Берия в связи с декларативным осуждением перегибов в работе Наркомата внутренних дел при Н. И. Ежове своим распоряжением приостановил пытки «врагов народа». Следствие сразу же начало давать сбой. Подследственные перестали оговаривать себя и «признавать» себя «шпионами, троцкистами, вредителями...» И пытки возобновились (12).

Перерыв после допроса 31.08.1948 г. составил 37 (!) суток!

Допускаю мысль, что допросы продолжались, но не протоколировались.

Всего запроотолировано (включая 2 допроса в Управлении МГБ по Читинской области) 19 допросов. В протоколах фигурируют десятки имен. Все они прозвучали из уст следователя.

Следствие интересовало сведения об эмигрантах г. Харбина и Маньчжурии в целом. Сколько проживало россиян и где? Особая тема – белоэмигрантские организации в Маньчжурии, Бюро по делам российских эмигрантов, характеристика созданной японцами структуры управления эмигрантским населением в Маньчжурии.

Антисоветская пропаганда проводилась методами клеветы в адрес Советского Союза и разжигания... ненависти к советской власти. Эти проблемы митрополитом освещались полно и добровольно. Все это всем известно. Главные фигуранты этих событий давно расстреляны. На вопрос о том, на какие средства издавались газеты и журналы, владыка ответил:

«– Все печатные органы БРЭМ [газеты]: „Заря“, „Рупор“, „Русское слово“, „Гуан Бао“, „Харбинское время“, „Наш путь“; журналы: „Луч Азии“, „Рубеж“, „Казачий клич“, „Хлеб небесный”

(церковный)] издавались на японские деньги, ибо и само Бюро... существовало на средства японской военной миссии».

То есть ничего нового.

Вызывают недоверие штампы в ответах владыки Нестора: «антисоветская клеветническая пропаганда», «клеветнический доклад», «белоэмигранты»...

В лексиконе духовного пастыря, священнослужителя, с любовью относившегося к своим духовным чадам, никогда и в мыслях не было разделить свою паству на «белых» и «красных», «своих» и «чужих». Они все были его соотечественниками, изгоями, несчастными людьми, которым нужна неотложная духовная, материальная и политическая помощь. Все они – рабы Божии, а он – их духовный отец, ответственный за их судьбу перед Богом. В подавляющем большинстве своем рядовые эмигранты получили советские паспорта, следуя примеру митрополита. И способствовал он их возвращению на родину не для того, чтобы родина (читай власть) подвергла их репрессиям и возмездие за «преступления», которых они не совершали. Множество россиян родились в эмиграции. Но и они стремились на свою каноническую родину.

Невозможно поверить в то, что пастырь мог оставить свою паству. Митрополит Нестор, будучи участником Поместного Собора (1917–1918 гг.), поклялся со всеми членами Собора Русской Церкви в готовности «...жертвенно исповедывать веру Христову против ее хулителей...» (13).

Мы помним, что владыка Нестор арестовывался еще в 1918 г. и около месяца провел в застенках. Даже это кратковременное лишение свободы давало ему право ощущать причастность к исповедническому подвигу во имя веры Христовой и благочестия: «И ныне я счастлив тем, что в самом начале нынешних гонений меня первым из епископов привел Бог в малой, крохотной мере, испытать тюремное заключение от гонителей веры Христовой» (14).

А теперь ему предстояло за веру в Иисуса Христа отдать жизнь. И он готовится к этому. В этой ситуации, как подсказывает нам содержание всей предыдущей жизни владыки и логика цели всей жизни православного иерарха, митрополит готов исполнить данную им клятву на Поместном Соборе. Его время пришло. Не трудно догадаться, что волновало в первую очередь в этой ситуации владыку. Он старался во что бы то ни стало сохранить чистыми протоколы его допросов. Ведь рано или поздно нынешний Святейший Патриарх Алексий, доверивший ему так много, или Первопрестоятели Церкви будущих времен обязательно найдут его дело и ознакомятся с незапятнанной его верой в Бога и мужественной, несгибаемой исповеднической позицией.

Поэтому доверять полностью содержанию протоколов допросов митрополита Нестора у нас нет никаких оснований. Протоколы подправлены, отредактированы с целью опорочить одного из крупнейших и авторитетнейших иерархов РПЦ XX в. Нельзя исключить вариант вербовки митрополита для сотрудничества с МГБ. Следователи понимали, что выпустили митрополита Нестора на свободу, он получит крупный пост в церковной иерархии. И его можно будет использовать как «своего» для разложения Церкви изнутри. А чем можно удерживать в подчинении такую фигуру? Только содержанием протоколов, в которых митрополит выставляется в роли узника, сотрудничающего, мягко говоря, со следствием. Подписаны отредактированные протоколы! Это подлый прием – фальшивка и сильный компромат против праведника! Как потом доказать, что ты чист?

Верить протоколам нельзя. Автором доклада изучены все документы по репрессиям камчатского духовенства и уничтожению Камчатской и Петропавловской епархии в 1923–1931 гг. Все документы фальшивы. Цель одна – добиться любой ценой закрытия храмов, а священников посадить в лагерь или расстрелять. Особо чудовищную фальсификацию демонстрируют документы о так называемой «контрреволюционной организации “Автономная Камчатка”». Несколько следователей МГБ, применяя пытки, добились «признания» от арестованных неповинных людей в участии их в этой организации, оговора себя и десятков людей. Несколько сот человек были осуждены на многие годы лагерей, а 95 человек были расстреляны! Это чудовищное преступление и многие другие были вскрыты органами КГБ, которым было поручено расследовать нарушения соцзаконности сотрудниками МГБ на Камчатке и в масштабах всей страны (15).

Приведенное мнение «вождя народов» о пытках высказано им в канун Великой Отечественной войны. Потом состоялась страшнейшая из войн, народ-победитель, вновь затянув пояса, из руин восстанавливал разрушенное «народное хозяйство». Шпиономания продолжается. Под ней немало

объективного: начавшаяся «холодная война» между недавними союзниками, «лесные братья» на Западной Украине и в Прибалтике ведут открытую вооруженную борьбу с советской властью... Но и перегибов, как тогда называли «отклонения от генеральной линии компартии», хватало. Безответственность, неграмотность, безалаберность командиров производства, просчеты в налаживании элементарного порядка, приводившие к авариям, пожарам, гибели людей, списывались на диверсантов и внутренних врагов. Заговоры против советской власти «раскрывали» даже в... органах НКВД-МГБ! Продолжала жить теория И. В. Сталина о том, что с течением строительства социализма классовая борьба нарастает. Кроме того, продолжается и жестокая борьба с «опиумом народа» – религией.

В этих условиях рассчитывать на то, что машина устрашения и подавления проявит в отношении митрополита Нестора, «матерого монархиста», «шпиона» и «контрреволюционера» даже малейшее послабление, а тем более сбой, не приходится. Крупная фигура церковного деятеля послевоенного периода, великого гуманиста и человеколюбца, попавшего в тенета МГБ, возбуждала интерес уже своим политическим, общественным и внутрицерковным значением. Не зря ведь допросами митрополита занимался сам полковник Шумаков – начальник 6-го отдела 5-го Управления МГБ.

Почему следствие не торопилось? Здесь кроется еще одна тайна следственного дела. Во-первых, нарушен закон о сроках проведения следствия. Вместо двух месяцев митрополита держали в застенках 5 месяцев и 20 дней. Во-вторых, следствие понимало, что Святейший Патриарх, несмотря на изоляцию (было запрещено информировать его об аресте митрополита Нестора), принимал самые энергичные меры по поиску пропавшего экзарха. В этом нет никаких сомнений. Известно, чем бы закончилось дело «монархиста, шпиона и контрреволюционера Н. А. Анисимова», если бы Святейший Патриарх обратился с просьбой лично к Сталину. Тогда следователей позвали бы «наверх». Но туда нужно было бы идти с результатом.

Первым таким «результатом» мог бы стать доклад о начале «сотрудничества» экзарха со следствием. Протокол оформлен таким образом, что митрополит якобы жалеет о содеянном, уничижает себя и Поместный Собор и уже почти готов признаться и во всем остальном. Нужны только еще два-три допроса.

Анализируя материал протокола от 31 августа, приходишь к мысли, что владыка потерял логический контроль над своими показаниями. На вопрос «Какую еще антисоветскую работу вы вели?», приводит факты, которые никак не раскрывают суть «антисоветской работы». Говорит о поручении Патриарха к епископу Кариону во Владикавказ. Но он к нему не доехал по причине революционных событий, был отозван, сути поручения не знал, т. к. конверт был запечатан. Также приводит пример «близкой связи» с генералом графом Келлером, который пригласил его принять участие в вооруженной борьбе против советов, но он отказался. «Близкая связь», как свидетельствуют документы, заключалась лишь в передаче генералу от Святейшего Патриарха Тихона иконы Божией Матери «Державная».

Вывод: в 10-дневные «каникулы» митрополита пытали, протокол сфальсифицирован, т. е. написан стенографисткой под диктовку подполковника Степанова, наличие подписей в протоколах митрополита Нестора свидетельствует о том, что подписаны они (или чистые листы) в результате пыток. Не исключается и другая махинация – подделка подписи.

Практически круг замкнулся. Антисоветская («контрреволюционная») деятельность налицо, подследственный ее не отрицает и даже в первом и последнем протоколах сам мужественно, и даже с вызовом, излагает во всех ее вариантах, лишая следствие инициативы. Но шпионаж, сколько ни старались следователи, не доказан. Дело передано на рассмотрение в Особое Совещание при министре МГБ. И для митрополита Нестора и подполковника Степанова в их контактах наступил длительный перерыв. Весь сентябрь и 7 дней октября 1948 г. владыку никуда не вызывали и не допрашивали. Вернее будет сказать, что все последующие дни меры следствия не протоколировались.

Практика произвола в оформлении протоколов допросов отражается и во многих официальных документах, опубликованных в последние годы.

В частности, в п. 4 преамбулы Постановления ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР» (от 11 июля 1951 г.) обобщается практика ведения протоколов следствия в МГБ, на которую нами обращено внимание при исследовании протоколов допросов митрополита Нестора.

Постановление принято по записке в ЦК ВКП(б) старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР Рюмина от 2.07.1951 г.

«Строго секретно

437 – О неблагополучном положении

в Министерстве Государственной Безопасности СССР.

<...> 4. В МГБ грубо нарушается установленный Правительством порядок ведения следствия, согласно которому допрос арестованного должен фиксироваться соответствующим образом оформленным протоколом, а протокол должен сообщаться в ЦК ВКП(б). В МГБ укоренилась неправильная практика составления так называемых обобщенных протоколов допроса арестованных на основании накопленных следователями заметок и черновых записей. Эта вредная и антигосударственная практика в следственной работе привела к безответственности среди работников аппарата МГБ, способствует затяжке сроков расследования дел о серьезных преступлениях, дает возможность скрывать от партии положение дел в МГБ.

<...> в нарушение закона об ограниченных сроках ведения следствия, в МГБ имеется много фактов недопустимой затяжки окончания следственных дел на очень длительные сроки... тогда как согласно закону полагается вести следствие не более двух месяцев...» (16).

Из «Протокол[а] № 7 (29.12.1988 г.) заседания Комиссии Политбюро [М. С. Соломенцева – А. Н. Яковлева] по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., с приложениями»: «Абакумов [и его помощники] Рюмин, Комаров, Лихачев... осуждены в 1954 году к высшей мере наказания по обвинению в незаконных арестах, фальсификации уголовных дел и других преступлениях» (17).

Итак, если руководители партии и государства сами вскрыли чудовищные преступления органов безопасности, то почему мы должны верить этим фальшивкам?

В заключение доклада приведу мнение выдающегося русского мыслителя И. А. Ильина о карательной системе в СССР сталинского периода:

«Мы должны заранее предупредить будущих законных правителей России и будущих историков русской революции, что все эти протоколы советской полиции, – что бы в них ни стояло и кто бы под чем бы ни подписался в них, суть документы не права и не правды, а живые памятники мучительства и мученичества. Кто бы в них ни „признавался чистосердечно“, – в измене, в предательстве, в шпионаже в пользу другой державы, в хищениях, в растратах или в каком ином „бесчестии“, – эти протоколы не бросают ни малейшей тени на подписавшего, но зато вскрывают наглядно порочность советского строя, коммунистической партии, ее вождей, советской полиции и советского суда. По этим документам будущие историки России и социалистического движения будут... [изучать] мученичество русского народа. Беспристрастно и доказательно вскроют они эту систему, этот план перебить лучших русских людей, обескровить и дисквалифицировать русский народ и приготовить на его крови и на его костях порабощение для всех остальных народов» (18).

Д. и. н. И. В. Павлова. Интерпретация источников по истории России 1930-х гг. (постановка проблемы):

«Идти вслед за документом – значит принимать навязываемую им трактовку событий. Проблема интерпретации – это проблема понимания историком смысла происходивших событий, о которых сообщает документ, а также понимание самого документа как факта эпохи. Проблема интерпретации актуальна при работе с любыми источниками, потому что источники – это не „окна“, через которые „можно разглядывать историческую жизнь людей других эпох в ее «первозданной» подлинности, стоит лишь хорошенько эти «окна» протереть. Исторический источник должен быть демистифицирован: необходимо расшифровать его язык (не только в лингвистическом, но и – прежде всего – в семиотическом* смысле), вскрыть его ментальную природу и идеологическую функцию, его поэтику, увидеть его в контексте культуры» (19).

*Семиотика – комплекс научных теорий, изучающих различные свойства знаковых систем (естественный, разговорный язык, язык программирования, физическая и математическая символика, логические и математические вычисления); осн. аспекты семиотики: синтактика (раздел семиотики, изучающий связь слов только на уровне их взаимоотношения как знаков; см. синтаксис: лингв. способы соединения слов (и форм) в словосочетания и предложения, соединения предложений в сложные конструкции), семантика (лингв. наука о значениях слов и выражений, а также об отношении языковых знаков к обозначаемым объектам) и прагматика (лингв. направление в языкознании, исследующее языковое поведение людей; раздел семиотики, занимающийся отношением людей к вербальным (устным, словесным; речевым) знакам) (20).

ЧТО ЖЕ МЫ НАШЛИ В ПРОТОКОЛАХ?

1. Факты жизни этого периода (бытия в застенках) сведены в большей части к фиксации дат и времени допросов и некоторых биографических сведений. А также очень убедительно освещена непримиримая позиция православного архиерея в обличении преступлений богоборческой власти против Русской Православной Церкви и русского народа, и просматривается также жесткий отпор попыткам следствия инкриминировать ему шпионскую деятельность против СССР. Теперь эти 195 суток с их жестокостью и беззаконием, с противостоянием этому свт. Нестором, стали неотъемлемой частью наших знаний о праведной жизни Апостола Камчатки. Они раскрыли новые качества Личности Святителя и обогатили содержание его бытия новыми сведениями.

2. Непоколебимое мужество, которое подтверждается двумя факторами:

а) бесстрашным изложением (не могу употребить термин «признание», ибо он логически ведет к другому термину – «виновность») многочисленных своих, с точки зрения следствия, «преступлений» – борьбы с богоборческой властью в СССР, которые квалифицированы как «контрреволюционные действия, направленные на свержение советской власти»;

б) категорическим отрицанием обвинений в шпионской деятельности против СССР. Итоги борьбы со следствием в этом вопросе привели к тому, что 6-й (следственный) отдел 5-го Главного управления МГБ СССР вынужден был письменно признать свое поражение, т. е. отсутствие шпионской деятельности у подследственного и переквалифицировать статью обвинения. В условиях отсутствия линии защиты во внесудебной системе «социалистической законности» и надлежащего надзора прокуратуры – это убедительная победа узника.

Наказание – 10 лет лагерей каторжного типа, жестокая и несправедливая расправа, ибо осужден не судом, а ОСО при МГБ. Несправедливость наказания утверждает также факт реабилитации митрополита Нестора и досрочное освобождение из лагеря без отправления в ссылку, а также без поражения в гражданских правах.

Петропавловская и Камчатская епархия ходатайствует перед Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и Священным Синодом РПЦ о канонизации митрополита Нестора (Анисимова) и причислении его к лику святых.

1. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 75. Л. 225, 225об.
2. ЦАФСБ. Дело № Р-39763. Л. 27, 27об., 28, 28об.
3. Там же. Л. 29.
4. Там же. Л. 30–35.
5. Там же. Л. 36–40.
6. Там же. Л. 41.
7. Там же. Л. 42.
8. *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности в 1941–1945 гг. М. : Изд. Главного архивного управления г. Москвы, 2011. С. 314.
9. История второй мировой войны (1939–1945 гг.). М. : Воениздат, 1980. Т. 11. Вкладка между с. 469–470.
10. Хроника России. XX век. М. : СЛОВО/SLOVO, 2002. С. 470.
11. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/12/fursen.html>
12. Хроника России. С. 470.
13. Современники о Патриархе Тихоне / сост. М. Е. Губонин. Т. II. М. : Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. С. 225.
14. Вернувшийся домой. Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова) / Автор-сост. О. В. Косик Т. I. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005. С. 32.
15. Центр документации новейшей истории Камчатской области – ЦДНИКО (включено в Гос. архив Камчат. края – ГАКК). Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2930. Л. 125–127; 133–149.
16. URL: <http://constitutions.ru/archives/6972>
17. URL: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66196> со ссылкой на РГАНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 26. Л. 8–26. Копия. Машинопись.
18. *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Ст. 1948–1954 годов: В 2-х т. М., 1992. Т. I. С. 57.

19. Гуревич А. Я. Историк и история. К 70-летию Ю. Л. Бессмертного // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 213; URL: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/2_99/12_PAVL.htm
20. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО, 2000. С. 320, 326, 283, 75.

Андрей Близнюк, протонерей
АКТУАЛЬНОСТЬ МИССИОНЕРСКИХ НАСТАВЛЕНИЙ
СВТ. ИННОКЕНТИЯ МОСКОВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ
МИССИИ ЦЕРКВИ

Опыт замечательного святого миссионера и духовника святителя Иннокентия Московского «Апостола Америки и Сибири» для священников XXI в. является бесценным практическим руководством.

Двадцать семь лет свт. Иннокентий возглавлял Камчатскую трансконтинентальную епархию.

В 1868 г. после кончины свт. Филарета Московского свт. Иннокентий был назначен преемником этого великого пастыря. Много пользы принес он Москве. Были устроены богадельни для вдов и сирот, основаны различные благотворительные общества. Святитель заботился об обеспечении бедных духовного звания, о народном образовании, и, кроме всего этого, присутствовал в Св. Синоде, принимая участие в духовном управлении всей Россией. Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий проявлял заботу и о своей далекой пастве, руководя работой Православного Миссионерского Общества.

Духовное совершенство свт. Иннокентия проявляется в очень строгом отношении к себе. На страницах его дневниковых записей и в письмах он постоянно обличает себя в лени и недостаточной активности. В автобиографической записке, вспоминая свои многочисленные путешествия, он пишет: «Все мои путевые подвиги состоят именно только в том, чтобы двинуться с места, т. е. решиться сесть в повозку или на судно; а там – если бы и захотел воротиться, да уже нельзя; а кто ж не захочет решиться и в ком не достанет на то силы, когда того требует дело дол?» (1, т. 1, с. 6.).

Сейчас, когда в нашей Церкви происходит возрождение миссионерского служения, нам особенно дорог бесценный опыт апостола Сибири и Америки.

Вот несколько цитат из трудов свт. Иннокентия, очень современно звучащих и в наши дни.

Например, в статье «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества» изложены советы по организации духовных учебных заведений:

«При всем желании выставить все наше доброе и не обнаруживать наших недостатков, нельзя не сказать, что воспитание нашего духовенства далеко не соответствует той цели, для которой должны существовать наши учебные заведения...»

Конечно, благодарение Господу, хотя и редко-редко, но можно найти и из нашего духовенства людей благочестивых, ревностных и даже более. Но если вникнуть в начальные причины сего, то, наверное, окажется, что девять из десяти таковых оттого только благочестивы, набожны и прочее, что у них были таковы родители или воспитатели. Следовательно, это отнюдь не от образования в училищах. Напротив того, есть примеры, что дети поступают в училище благонравными и с расположением к благочестивым упражнениям, а из училища выходят с испорченной нравственностью и совсем не с молитвенным духом... С другой стороны, хотя и стыдно, но справедливость требует сказать, что наши воспитанники в некоторых отношениях далеко уступают воспитанникам Западной Церкви. Например, сколько там было и есть миссионеров, которые не на словах только и не на бумаге, но на самом деле шли и идут на явную смерть со своей проповедью. А у нас, как показывает опыт, крайне трудно найти людей с подобным расположением для занятия миссионерских должностей и в таких местах, где нет никакой опасности для жизни».

Используя свой богатый опыт служения, владыка пишет инструкцию миссионерам: «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных».

Отредактированное и утвержденное свт. Филаретом и Святейшим Синодом в 1841 г., «Наставление» имеет не только историческое, но и каноническое значение именно сейчас, когда наша Церковь призывает нас к миссионерской работе.

Приведу несколько важных пунктов из этого замечательного документа:

Служение миссионерское «есть дело поистине святое и равноапостольное. Блажен, кого изберет Господь и поставит на такое служение!»

Прежде всего, православному миссионеру надлежит «догматов веры и сущности деятельного учения держаться так твердо, чтобы ничего противного им не говорить и не допускать, хотя бы угрожала тебе явная смерть» (п. 17).

«С первого вступления твоего в должность [миссионера] поведением своим... старайся заслужить о себе хорошее мнение и уважение... Доброе мнение заставляет уважать, а кого не уважают, того и не слушают» (п. 33).

«Старайся узнавать обстоятельно веру, обряды, обычаи, склонности, характер и весь быт твоих прихожан... чтобы тем вернее и удобнее действовать на них» (п. 46).

«Для того, чтобы умножить число принимающих Святое Крещение, отнюдь не употреблять каких-либо мер и средств, не свойственных Евангельскому духу и неприличных проповеднику, как-то: ни принуждений, ни угроз, ни подарков, ни обещаний (льгот и проч.), ни каких-либо суетных обольщений, но всегда действовать с апостольской искренностью» (п. 29).

«Помни всегда, что если проповедник не будет иметь в себе любви, как к своему делу, так и к тем, кому проповедует, то и самое лучшее и красноречивейшее изложение учения может остаться без всякой пользы, ибо только любовь созидает; а потому старайся иметь в себе дух святой любви» (п. 5).

«От новообращающихся и новообращенных ни под каким видом не требовать никаких вкладов или приношений для церкви или на какие-либо другие богоугодные дела...» (п. 40).

«Ни под каким видом не принимать тебе от новопросвещенных и прочих инородцев каких-либо подарков и приношений и не входить с ними в какие-либо торговые сношения ни самому лично, ни чрез посредство других под опасением строжайшего суда...» (п. 42).

«Сугубо счастлив тот проповедник, пребывание которого у себя инородцы считают своим счастьем» (п. 26).

«На данном тебе святом антиминоссе ты имеешь власть служить Божественную Литургию на всяком месте: и в чистом нежилом доме, и под открытым небом; но для сего по многим причинам приличнее иметь особенную палатку, которую раскидывать на местах по возможности чистых. И на таковых местах убеждать жителей поставлять кресты...» (п. 25).

«Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно... тамошние жители почти совсем не могут по самой местности; и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи» (п. 18).

«Слушание обыкновенных богослужений, кроме литургии, не поставлять непременно для новообращающихся обязанностью, и строгого исполнения сего не требовать; а потому во время путешествий твоих по отдаленным местам, – когда обыкновенно все посещаемые тобой должны исповедоваться и причащаться святых Тайн, – не считать непременно то, чтобы они ходили в церковь целую неделю, как делается у нас обыкновенно, но столько, сколько позволят обстоятельства, и только советовать и напоминать им, чтобы они в то время как можно чаще в сердце своем молились Богу о прощении грехов своих... Поучение слову Божию для них всегда есть лучшее приготовление к принятию таинств, нежели чтение обыкновенных псалмов и молитв; потому что никто из них весьма долгое время не будет понимать того, что читается в церкви» (п. 19).

«Если бы паче чаяния и случилась какая-либо опасность твоей жизни, то решительные и последние меры к защищению себя принимать не паче, как только в самых крайних случаях. Но стократ блажен будешь, если сподобишься пострадать ради имени Иисуса Христа» (п. 49) (1, т. 2, с. 250–259)

Одна из главных заповедей, которую оставил Господь своим ученикам, звучала так: «Шедше убо, научите вся языки, крестяще их во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» (Мф 28:19). Господь заповедал нам проповедовать Евангелие, учить людей вере истинной.

«Каждый из нас должен считать это своим долгом. Ведь если никто не пойдет Православную веру проповедовать и защищать, то что нас ждет в ближайшем будущем? Не будет нашего народа, не будет России. Мы должны быть воинами Христовыми» (Прот. Владимир Воробьев, ректор ПСТГУ «Значение миссионерской деятельности для воспитания молодежи» Научно-богословская конференция «300 лет Православия на Камчатке»)

Миссионерская поездка заставляет спросить себя: можешь ли ты говорить с людьми так, чтобы они тебя услышали, можешь ли ты рассказать о Христе или проповедовать людям так, чтобы твое слово дошло до них и чтобы оно было живым и действенным, как учил свт. Иннокентий Московский? Почувствовать свои возможности очень важно каждому студенту. Почувствовать и научиться проповедовать свою веру, Евангелие, свидетельствовать о Христе.